

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321 (470:477)

*Х.А. Кобелева***ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА
И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ И УКРАИНЕ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.**

Представлен компаративный анализ проблемы взаимоотношений между государством и гражданским обществом в современной России и Украине. По мнению автора, в данных странах гражданское общество слабо развито и разобщено. Поэтому оно не является равноправным партнёром в диалоге с государством. Следствием является отсутствие конструктивного взаимодействия между государством и гражданским обществом в России и Украине.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, взаимоотношения.

Проблема формирования конструктивного взаимодействия между государством и гражданским обществом является одной из ключевых в процессе государственного строительства. К тому же, как показывает практика, характер их взаимоотношений оказывает непосредственное влияние на эффективность функционирования политической системы как целостного образования, которому, для сохранения стабильности, необходимо наличие постоянной обратной связи с внешней средой. В связи с этим в настоящее время политологи придают большое значение анализу возможностей реализации на практике так называемого «межсекторного партнёрства» государства и гражданского общества [1. С. 75]. Сравнительный анализ опыта налаживания подобного взаимодействия способен помочь в понимании механизмов и перспектив развития данного процесса.

Следует отметить, что отношения власти и гражданского общества сложны и противоречивы по своей природе. Это объясняется тем, что отношения, существующие внутри гражданского общества, – горизонтальные, а в государстве – вертикальные. Время от времени они пересекаются, но при этом находятся в состоянии постоянной «диалектической противоположности». Дело в том, что взаимодействие государства и гражданского общества генерирует и воспроизводит противоречие, связанное с плюрализмом гражданской сферы и монолитностью государственной власти. К тому же власть всегда предполагает асимметрию отношений. Это особенно заметно, когда властные отношения основаны на принуждении. Однако асимметрия может возникнуть и в том случае, когда влияние опирается на взаимный с общественностью интерес или ценностное согласие. В этом случае асимметрия становится следствием неизбежного со стороны доминирующих акторов контроля над ресурсами, информацией, интерпретациями ценностей и смыслов и, наконец, следствием «действий не по правилам» (определение О.И. Уильямсона) [2] в достижении целей [3. С. 305].

Асимметрию властных отношений призваны «сглаживать» разного рода посредники, «медиаторы», в роли которых выступают демократические институты: общественные организации, политические партии, выборы, парламент и т.д., публично утверждающие и, что особенно важно, легитимирующие «правила политиче-

ской игры» в государстве. Однако в условиях отсутствия возможностей для осуществления прямой коммуникации между представителями власти и общественностью данные демократические формы, как убедительно доказывает немецкий учёный Ю. Хабермас, не только замещают непосредственные коммуникации между ними, но и подменяют их демонстративной и манипулятивной публичностью институций, действующих «через голову публики» [4]. При этом обществу отводится роль стороннего наблюдателя, зрителя в этом процессе, интересы, мнение и потребности которого не учитываются. Таким образом, общество в своей совокупности сводится к «человеку голосующему», «зрителю/участнику политических событий», инициируемых или провоцируемых властью предрержащими.

В первой половине 1990-х гг. в России и Украине были введены формально-процессуальные институты демократии: стали регулярно проводиться конкурентные выборы различных уровней, были сформированы парламенты, появились многопартийность, негосударственные СМИ, разного рода общественные организации. Политики начали активно пропагандировать новую (западную) систему ценностей, основанную на общепризнанных демократических правах и свободах. Таким образом, на первый взгляд, все «атрибуты» демократии были налицо, и это позволяло учёным характеризовать формирующиеся на данной основе политические режимы России и Украины как демократические.

Однако следует отметить, что сложившаяся в России и Украине к середине 1990-х гг. формально-процессуальная демократия не являлась результатом «продуктом» длительной исторической эволюции дееспособного гражданского общества, имеющего возможности отстаивать свои интересы, притязания на права и свободы, участвовать в выработке и принятии важнейших для страны решений. Вместо этого введение демократических институтов в России и Украине стало следствием «насаждения сверху», сознательного вмешательства со стороны элиты (за которым часто просматривались отнюдь не демократические интересы ведущих политических игроков) в процесс формирования процессуальных элементов демократии.

При этом, как показали дальнейшие события, интересы и устремления элит и формирующегося нового

правлящего класса в России и Украине, скрывавшиеся за риторикой демократии, сводились лишь к обеспечению себе доминирующего положения в системе власти и собственности. Именно они устанавливали новые «правила игры», позволявшие им контролировать важнейшие позиции в политическом поле и использовать государство и механизмы коррупции для «захвата» и передела бывшей государственной собственности. В свою очередь, в России и Украине, слабое, разобщённое гражданское общество оказалось неспособно контролировать деятельность представителей власти и не располагало для этого реальными возможностями. Следует также отметить, что в устанавливаемых новой элитой России и Украины «правилах политической игры» многое наследовалось от типичных форм взаимодействия, характерных для позднего советского общества. Только теперь эти «правила» стали ещё более жёсткими и циничными.

В то же время значительная часть населения России и Украины начиная с 1990-х гг. стала связывать постоянное снижение уровня жизни, политическую и экономическую нестабильность в своих странах именно с процессом демократизации. Во многом это объясняется проведением правящей элитой России и Украины непродуманных экономических, социальных и политических реформ, которые не принесли позитивных изменений в жизнь граждан, а лишь ухудшили их материальное положение. К тому же прежняя, советская система ценностей постоянно подвергалась критике со стороны политиков-«либералов», а новая, насаждаемая «сверху», оказалась чужда и непонятна самим гражданам. Недовольство граждан экономическим и политическим развитием лишь усилило значение традиционных ценностей. Большинство населения стало испытывать ностальгию, прежде всего, по защищённости, покою и порядку [5. С. 63]. Поэтому новые, связанные с рыночной экономикой ценности, такие, как, например, самореализация, инициативность и другие, оказались отодвинутыми на второй план.

Как отмечает автор исследования «Динамика ценностных приоритетов граждан Украины (1991–2006)» доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Анатолий Ручка, до 2000 г. среди граждан Украины был очень велик вес материальных ценностей (когда человек в первую очередь волнуется о физической и материальной безопасности себя и своей семьи). Причина такой ситуации хорошо известна – это массовое обнищание людей в 1990-е гг. В связи с этим «ценности выживания» разделяли более 76% граждан. «Рост веса материальных ценностей в менталитете граждан сопровождался усилением их ориентаций на традиционные ценности», – подчеркнул А. Ручка [6]. Но после 2000 г. ценностные ориентации украинцев значительно изменились. Эксперты начали фиксировать, что вес «ценностей выживания» среди украинцев начал уменьшаться. Так, в 2000 г. их уже разделяло всего 59% опрошенного населения. И хотя материальные ценности всё ещё занимают большое место в общественном сознании, их вес уже является не таким безоговорочным, как это было семь лет назад.

Таким образом, большинство населения России и Украины, в дополнение к ухудшающимся условиям

жизни, утратило ещё и ценностный ориентир, а также доверие к политикам. Следует отметить, что лишь непродолжительный период времени – в самом начале 1990-х гг. – в России и Украине наблюдался всплеск гражданской заинтересованности и доверия к институтам власти со стороны граждан. Но уже начиная с 1993 г. (и что парадоксально, в период активного утверждения процессуальных форм демократии) происходит резкое падение этих показателей. В частности, согласно данным ежегодного национального мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Украины, с 1994 г. доверие граждан Украины к ведущим политическим институтам и лидерам определялось на уровне 7–12% («полностью» и «скорее доверяют») с незначительными колебаниями в последующие годы [7. С. 43, 45].

Низкое доверие стало не только результатом разрушения системы институционализованного доверия, сложившегося в советской политической системе, но и в значительной степени (или прежде всего) – следствием неудовлетворительной оценки гражданами работы новых демократических институтов власти, разрывом между ожиданиями по поводу деятельности этих институтов и их удовлетворением.

В этот период у населения России и Украины появилась ещё одна сходная черта – воспринимать государство как чуждую, коррумпированную силу, которая увлечена решением собственных проблем и которой нет дела до нужд и потребностей своих граждан. При этом, что парадоксально, у людей по-прежнему сохранялась надежда на появление мудрого вождя, авторитетного правителя, который, придя к власти, устроит всё справедливо и демократически.

Поэтому именно в 1990-е гг. на первый план в жизни людей вышла приватная сфера – семья, которая для многих стала своеобразным «эмоциональным островком», где человек мог найти поддержку и пережить невзгоды. Таким образом, воспроизводился советский вариант «кухонного» гражданского общества, когда люди предпочитали решать свои проблемы с помощью родственников и друзей, не дожидаясь помощи со стороны представителей власти. Это было своеобразное квази-гражданское общество, которое действовало на низовом уровне, не создавая формальных организаций. Люди научились выживать без власти и вне закона. При этом до конца 1990-х гг. большинство граждан России и Украины даже не осознавали, что мир некоммерческих организаций образует основу гражданского общества. Как следствие, граждане не принимали в расчёт тот факт, что некоторые вопросы они умеют решать лучше, чем власть, к которой они обращаются с просьбой это сделать; что у них уже накоплен определённый опыт решения различных проблем.

Следовательно, можно сделать вывод, что в российских и украинских реалиях переходного периода «демонтаж действенного государственного контроля одновременно с кризисом механизмов контроля со стороны мобилизованного общественного мнения породил своеобразный феномен “приватизации власти”, когда она, существуя на деньги налогоплательщиков, часто действовала вопреки их интересам, не учитывая их потребности» [8. С. 84]. При этом обществу отводилась

роль пассивного наблюдателя за выяснением отношений между различными группами новой элиты.

Это является одной из причин, по которой гражданское общество в России и Украине до сих пор находится в стадии самосознания и определения своих функций в осуществлении социального контроля над деятельностью государства. В свою очередь, государство не спешит делегировать гражданскому обществу такое право. Наоборот, в последние несколько лет государственная власть в России и Украине постоянно проявляет тенденцию к расширению своих полномочий и установлению контроля над обществом.

В частности, в России деятельность чётко выстроенной «вертикали власти», как отмечают эксперты, уже привела к сворачиванию взаимодействия между государственной властью и общественными структурами при реализации решений, расцвету правового нигилизма, полной коррумпированности всего государственно-общественного образования [9]. Кроме того, контроль за реализацией принятых решений, возложенный на общественные организации, во главе с Общественной палатой РФ, формируемой, по сути, Президентом РФ, практически не осуществляется.

В то же время в Украине, по мнению политолога В.И. Полохало, реальная проблема страны состоит в том, что государство постоянно оттесняет на периферию общественной жизни организации гражданского общества. В этом с ним солидарен президент Украинского Центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова. А. Гриценко, считающий, что

государство в современной Украине монополизирует политическое влияние, подавляет или стравливает между собой общественные организации. Следовательно, оно не заинтересовано в формировании подлинного гражданского общества в стране [10].

При этом само гражданское общество, «слабое от рождения», недостаточно противостоит тенденции расширения государственных полномочий, поглощается государством и не отмежевывается от него, а наоборот, постоянно «заигрывает» с ним. Как следствие, ни в России, ни в Украине оно не имеет статуса сильного и равноправного партнёра государства и не в состоянии ограничить возможное негативное влияние государства на общество. Поэтому можем констатировать, что конструктивный диалог между институтами государственной власти и структурами гражданского общества как одна из форм осуществления эффективного обоюдного социального контроля пока так и не сложился. Вследствие этого медленно и непоследовательно идёт процесс институционализации соответствующего политического поля.

Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что поиск оптимальной модели распределения власти и организации институционального социального контроля в России и Украине будет продолжаться ещё, по крайней мере, в течение ближайших десяти лет. Следовательно, пока нет оснований говорить об окончании трансформационных процессов в обеих странах, одним из итогов которых должно стать формирование новых действенных механизмов социального контроля.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никовская Л.И.* Конфликтные аспекты взаимодействия государства и гражданского общества в России: Состояние и особенности развития в регионах // Проблемы становления гражданского общества в России: Материалы науч. семинара / Науч. ред. С.С. Сулакшин. М., 2003. Вып. 2.
2. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб., 1996.
3. *Шляхтун П.П.* Політологія (Теорія та історія політичної науки). Київ, 2002.
4. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.
5. *Харланд Х.П., Ниссен Х-Й., Францен В.* К развитию демократии и рыночной экономики в центрально-европейских и восточно-европейских странах // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 6.
6. *Миколок О.* Украинцы становятся реалистами // День. 2007. 21 июня. № 100.
7. *Панина Н.В.* Социологический мониторинг. Украинское общество 1994–2005: Год перелома. Киев, 2005.
8. *Афонин Э.А., Бандурка А.М., Мартынов А.Ю.* Великая коэволюция: Глобальные проблемы современности. Киев, 2003.
9. *Природа и структура коррупции в России.* Исследование Института общественного проектирования («Иноп») при участии Института сравнительных социальных исследований («Цессии»). Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2008/02/06/141124>
10. «Круглый стол» на тему «Отношения между государством и гражданским обществом в Украине» (12.07.2007). Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/331544.html>

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 3 октября 2008 г.